

Пешкова Виктория Вячеславовна

РОМАН М. К. ХАНСЕНА "САГА О ХИЛЬДЕ" В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ РОМАНТИЗМА В XIX ВЕКЕ

Статья посвящена анализу романа норвежского писателя Мауритца Хансена "Сага о Хильде". Выявляется значение данного произведения для становления художественной прозы в Норвегии в XIX веке и устанавливается, что в "Саге о Хильде" закладывается основа норвежского исторического романа, традиция которого позже будет подхвачена и получит своё развитие в исторических произведениях Сигрид Унсет.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/14.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 8(62): в 2-х ч. Ч. 1. С. 54-57. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Таким образом, можно утверждать, что в прозе регионального журнала прямо или опосредованно представлен широкий жанровый спектр традиционного и современного детского фольклора. И литературные произведения, и тексты, принадлежащие детям, – явления синкретичные, соединяющие в себе традиционные жанровые модели с современным детским словотворчеством. Именно эта жанровая парадигма определяет особый тип взаимоотношений фольклора и литературы в контексте детского литературного журнала.

Список литературы

1. Александров В. Страшилки // Простокваша для детей непреклонного возраста. 1993. № 10.
2. Вьюгина С. Домовой Угоша // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2009. № 4.
3. Звягина М. Ю., Максимова Н. В. Содержательно-тематический характер детских сетевых журналов // Гуманитарные исследования. 2015. № 4 (56). С. 86-92.
4. Иднатулина А. А. «Нестрашная страшилка» как антижанр в литературе современного детского авангарда // Гуманитарные исследования. 2011. № 4 (40). С. 224-228.
5. Леонтьева Н. Как молодильное яблочко державным сделалось // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2002. № 2.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. 1600 с.
7. Остер Г. Б. Все вредные советы. М.: АСТ; Астрель; Харвест, 2010. 480 с.
8. Петренко С. Н. Жанровые традиции постфольклора в поэтике современной русской литературы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2014. № 2 (87). С. 145-149.
9. Плотникова Е. П. «Настоящие сказки» Л. С. Петрушевской в контексте традиционной культуры: дисс. ... к. филол. н. Ульяновск, 2011. 26 с.
10. Слонопотам Львов. Возвращение Просто-Кваши. Третий глаз на левой пятке // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2005. № 1.
11. Собакин Тим. Чёрный уют // Простокваша для детей непреклонного возраста. 2009. № 4.
12. Трыкова О. Ю. Современная отечественная проза и «страшный» детский фольклор // Трыкова О. Ю. Сказка, быличка, страшилка в отечественной прозе последней трети XX века: учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2000. С. 197-273.
13. Это для взрослых все кошки серы. Журналу «Простокваша для детей непреклонного возраста» исполнилось 20 лет / редактор и составитель С. Васильев. Волгоград: Издатель, 2011. 128 с.

**FOLKLORE AND LITERARY MATRICES IN THE STRUCTURE
OF PROSAIC GENRES OF THE REGIONAL CHILDREN'S MAGAZINE**

Petrenko Sergei Nikolaevich

*Volgograd State Socio-Pedagogical University
ecce_homo_1@mail.ru*

The article analyzes the interaction of literary and folklore material in Volgograd magazine for children "Prostokvasha". The author traces the orientation of the majority of the prosaic literary texts of the magazine towards the genre models of folklore and post-folklore: fairy tales, true stories, horror stories. For the first time such genres of verbal children's folklore as "chatterboxes", "kind words", "good talkings-to", which have appeared as a result of the co-authorship of the editor-in-chief and young readers, are described. The regional specificity of the magazine context is revealed.

Key words and phrases: children's literature; children's folklore and post-folklore; magazine for children; genre matrix; fairy tale; true story; horror story; "chatterboxes"; "kind words"; "good talkings-to".

УДК 82-311.6

Статья посвящена анализу романа норвежского писателя Мауритца Хансена «Сага о Хильде». Выявляется значение данного произведения для становления художественной прозы в Норвегии в XIX веке и устанавливается, что в «Саге о Хильде» закладывается основа норвежского исторического романа, традиция которого позже будет подхвачена и получит своё развитие в исторических произведениях Сигрид Унсет.

Ключевые слова и фразы: Норвежская проза; М. К. Хансен; исторический роман; Романтизм; сага.

Пешкова Виктория Вячеславовна

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
stellavictory2106@gmail.com*

**РОМАН М. К. ХАНСЕНА «САГА О ХИЛЬДЕ»
В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ РОМАНТИЗМА В XIX ВЕКЕ**

Эпоха романтизма стала самым ярким явлением в скандинавской культуре. Уже в конце XVIII века в датской литературе начали проявляться специфические черты, определившие своеобразие духовной жизни

страны на протяжении большей части XIX столетия: интерес к сагам, национальной истории и фольклору. «Эпоха романтизма принесла с собой новый подход к прошлому: возникло представление об “органическом”, т.е. независимом от сознательной воли отдельных людей историческом процессе. На смену просветительскому стремлению рассматривать развитие человечества в целом пришел интерес к конкретной истории отдельного народа и страны. Романтики стремились отыскать самобытные черты, что порождало оппозиции “свое-чужое” и формировало интенсивный культурный диалог», – отмечает А. В. Коровин [2, с. 66].

Йоханнес Эвальд (1743-1781) первым обратился в своем творчестве к древнескандинавскому материалу в трагедиях: «Рольф Краге» (1770) и «Смерть Бальдера» (1773). Адам Готлоб Эленшлегер (1779-1850), открывший эпоху романтизма в датской литературе, широко использует мифологические сюжеты в своей поэзии и новеллах, которые он называет «сагами». Бернхард Северин Ингеманн (1789-1862) создает национальный исторический роман: «Вальдемар Победитель. Исторический роман» (1826), «Детство Эрика Менведа» (1828), «Король Эрик и изгнанники» (1833) и т.д. Благодаря Ингеманну роман в Скандинавии становится полноправным жанром высокой литературы. Традицию романтизма продолжает Иоганнес Карстен Хаук (1790-1872), первым сумевший в наибольшей степени приблизиться к стилю саг в романе «Сага о Торвальде Страннике» (1849).

О норвежской литературе как самостоятельном явлении можно говорить не ранее 1814 года – года освобождения Норвегии от власти Дании, но развитие национальной литературы происходило под влиянием тех процессов, которые ранее охватили Данию и Швецию. Мауриц Кристофер Хансен (1794-1842) был одним из тех, кто стоял у истоков национальной норвежской прозы, считался одним из ее наиболее крупных писателей. И, по словам норвежского литературоведа В. Дала, «сегодня он, по всей вероятности, был бы вписан в историю мировой литературы» [3, с. 31], если бы писал на одном из распространенных языков в период расцвета европейского романтизма.

Первым норвежским историческим романом стала «Сага о Хильде» (1838) М. Хансена, основанная на сюжете «Саги о Хальве и людях Хальва», переосмысленном в романтическом ключе. В этом древнескандинавском тексте его особенно привлекло сочетание рассказа об исторических событиях с фантастикой, легендарными и сказочными мотивами.

Фабульную основу романа составляет лишь фрагмент саги, описывающий жизненный путь конунга Хьёрлейва, прозванного Женолюбом. Развитие действия начинается со сватовства героя к юной красавице Хильде и пышного свадебного торжества. Но вскоре выясняется, что конунг Хьёрлейв лгал невесте, а дома в Рогаланне его ждет первая жена – красивая и непокорная Эса из Вальдеса. В этом нет ничего необычного, потому что у викингов существовал обычай многоженства. Хьёрлейв быстро забывает обещания вечной верности и любви, данные своим жёнам, и начинает добиваться прекрасной Рингю – дочери датского конунга, обещая выгнать Эсу и Хильду ради неё. Но Рингю умирает вскоре после свадьбы, а ее отец собирает войско, чтобы отомстить Хьёрлейву. На долю героя выпадает много трудностей и бед, благодаря которым происходит его преобразование. Ему приходится вновь вернуться в край, где прошло его детство, чтобы научиться по-настоящему ценить любовь Хильды.

Писатель, значительно расширяет сюжет саги, обогащая его вымышленными событиями, дополняя образы персонажей, и придает своему тексту романтическую интонацию. Так, в повествование проникают элементы, скорее присущие сказке с ее ориентацией на изображение волшебного и чудесного. Хильда в конце романа обретает счастье с любимым, пройдя через все испытания, что соответствует фольклорному канону. На протяжении всего повествования повторяется число три: главная героиня получает от старой ведьмы три чудесных дара, которые помогают ей выходить победительницей из кажущихся безвыходными ситуаций и спасают жизнь ее возлюбленному в конце романа; на третий день пира Хьёрлейв влюбляется в Рингю; на третий день свадьбы получает дурные вести от своих викингов; конунг имеет трех жен; на третий день плавания конунг Рейдар узнает о смерти своей дочери, а Хильда получает арфу умершей Рингю в подарок от скальда Асмунда; конунг Хьёрлейв, отправляясь разыскивать свою первую любовь, находит три поколения женщин в этой семье и только третья оказывается женщиной, которую он разыскивал и т.д.

В романе появляется образ мирового змея, из-за которого корабль конунга попадает в шторм. Хильда бросается в океан, чтобы принести жертву богам и успокоить змея в глубинах вод, но боги не принимают ее жертву, так как она не является самым дорогим для своего супруга. Они посылают кита на помощь девушке. Значительное место в романе занимает вставная новелла о тролле Снэре, его семье и древней вражде с людьми, которую, благодаря подарку черных альвов, Хильде удается остановить. Она спасает маленькую троллиху и задабривает этим ее грозных родичей, которые намеривались уничтожить войско Хьёрлейва.

В романе находит выражение идея романтического двоемирия, которая проявляется в специфической оппозиции мира людей и мира богов. В системе образов наблюдается деление на филистеров и героев с возвышенной душой, воспринимающих мир с детской непосредственностью, а потому обладающих способностью в мгновенном озарении постичь тайны бытия, недоступные обывательскому здравому смыслу и хитрости. Персонажи-обыватели многократно в романе заявляют, что не верят в богов и никогда не приносят им жертв, предпочитая полагаться на свои силы. Так Хьёрлейв, несмотря на свою хитрость и кажущуюся мудрость, не способен увидеть мир во всей его полноте, а следовательно, и не в состоянии по-настоящему ответить на чувства Хильды. Он ведет свою команду к гибели, не желая приносить жертву богам во время шторма: «Хьёрлейв никогда не приносил жертвы, но принадлежал к тем, кто верит в свои силы <...>. Когда конунг приложил свою сильную руку, корабль заметно повернул в сторону, но лишь на мгновение; весло треснуло, <...> ладья непрестанно продолжала своё стремительное движение к дьявольскому подземному проходу» [4, с. 90].

Образ Эсы из Вальдеса – первой жены конунга Хьёрлейва – наиболее близок демоническому образу женщины-мстительницы, характерному для саг. Наделенная острым умом, невероятной красотой и гордым,

дерзким, несгибаемым характером, она не склонна прощать нанесенные ей обиды, и вся сила её любви обращается такой же испепеляющей ненавистью. После появления второй жены у конунга, уязвленную женщину целиком захватывает жажда мести, что едва не стоит Хьёрлейву жизни. Правда, М. Хансен снижает этот образ, низводя Эсу до уровня обывателей. В описании её красоты сквозит ирония, а автор отмечает, что она никогда не прикасалась к струнам арфы, не брала в руки иглы, но всегда была строгим судьей чужих талантов.

В описании персонажей, чувствительных к миру богов, часто присутствует что-то, что делает их непохожими на окружающих людей. Рингю отчасти принадлежит неземному миру. Ее образ дан в романтическом ключе: «она была одним из нежнейших, изящнейших цветков, когда-либо распускавшихся в саду златовласой Фрейи. В её эльфийском образе ощущалась тоска наподобие той, что можно почувствовать тихим вечером, вдыхая полной грудью аромат резины. Хрупкая, но при этом не больная, добыча для смерти с первого дня своего рождения, она была любимицей всех. <...> Молодая девушка была прекрасна, как бледная лилия, но её красоте никто не завидовал. Она была <...> совсем не похожа на обычную девушку своего нежного возраста. <...> Зимний снег и тёплые летние лучи солнца считались одинаково опасными для неё. Лишь в одном мире могла она наслаждаться жизнью без каких-либо ограничений – в царстве музыки. Потому она и была почти полностью погружена в него» [Ibidem, с. 146]. Уже при первом ее появлении в тексте романа читатель узнает, что судьба девушки определена пророчеством, которое предвещает ей скорую гибель. Её брат Рёрик постоянно подвергается жестоким насмешкам со стороны отца за то, что, обладая львиной храбростью, честным и добрым сердцем, наделен почти женской утонченностью и красотой. Сэльви – брат Хильды – чувствует смущение рядом с Хьёрлейвом из-за того, что, несмотря на красоту и смелость, является «недостаточно опытным в обращении с оружием и физически сильным, и ещё менее подкованным в красноречии и правилах поведения» [Ibidem, с. 86]. Кроме того, подобные персонажи наделены незаурядными музыкальными способностями, а Асмунд – воин конунга Рейдара, влюблённый в Рингю, и Осмунд – воин конунга Хьёрлейва, влюбленный в Хильду, вообще являются скальдами.

Особое место занимают мотив судьбы и связанный с ним мотив пророчества, который переосмысливается под влиянием представлений о двоимирии: судьба перестает быть абсолютной, непостижимой силой. Дар Рингю лежит за границами материального мира: она видит будущее, знает свою судьбу, ее предсказания сбываются. Всем своим существом она обращена к «чертогам Фрейи», ее тяготит физическое существование, и только мир музыки становится утешением в ожидании неизбежности, которой она смело идет навстречу, не чувствуя и капли страха, так, словно бы она возвращалась домой после долгого отсутствия. Мир богов больше подходит ей, чем тот, в котором живут её близкие. Но даже после воссоединения с этим миром, девушка посылает знаки родным, чтобы предостеречь их от ошибок и спасти жизни любимых. Так, готовя план мести, Рёрик и горячо любивший ее скальд Асмунд слышат, как со струн арфы, на которой после смерти девушки никто не играл, срывается ясный и звонкий аккорд, и они понимают, что Рингю отправилась «домой в чертоги Фрейи» [Ibidem, с. 179], что это было ее собственное желание, и клянутся, «насколько это возможно, постараться уберечь Хьёрлейва» [Ibidem, с. 180]. Важное значение в романе приобретает тема любви: познавший любовь, остается преданным этому чувству до конца и умирает, если предмет любви погиб или недостижим. Так, скальд Асмунд, выполняя волю Рингю, спасает ее мужа конунга Хьёрлейва, а после сам бросается в воды океана, чтобы разделить с любимой судьбу. А скальд Осмунд, любовь которого к королеве Хильде сжигала его изнутри так, что это было заметно всем окружающим, погибает после того, как растроганная его песней девушка протянула ему в благодарность свою руку.

Важную композиционную роль в романе играют лирические стихотворения, выражающие страдания и волнения героев. Так, например, в песнях Рингю звучит тема томления духа в болезненном теле, скорого освобождения, а перед гибелью она успевает сложить песнь о своей жизни и кончине, похожей на слияние с мировым океаном. Писатель вплетает в повествование лирические тексты, подобно тому, как в саги вплетались скальдические висы, но в романе подобные вставки, в первую очередь, служат для усиления драматизма повествования, способствуют свободному выражению чувств, переживаний героев, а также несут в себе определенный философский смысл, что было присуще и произведениям йенских романтиков: «Музыка выражает бытие самого бытия, жизнь самой жизни, чуть ли не совпадает с ними. Тайна жизни, как бы ни были мы от нее далеки в нашей жизненной практике, уже доступна нам через музыку. <...> Романы в прозе романтики писали с непеременимыми стихотворными, песенными вставками. <...> Делалось это с целью достать звук, разбудить его где-то в глубине изображаемых вещей и так изнутри осветить их» [1, с. 21].

Вместе с тем, М. Хансен испытывает интерес к национальному прошлому и старается привнести в роман исторические, этнографические и топографические детали, что указывает на стремление автора передать исторический колорит и добавить правдивости в описание ушедшей эпохи. Слово «сага», содержащееся в названии романа, указывает на древность и достоверность сюжета: уже на первой странице романа указан точный год, когда происходит действие – весна 640 года. Герои романа много путешествуют, а употребление большого количества топонимов и описание трудностей морских переходов в разные времена года также помогают воссоздать неповторимый скандинавский колорит. Реалистично представлены образы воинов, их самолюбие и жестокое отношение к врагам. Упоминается обычай разрешения споров о границах или нарушениях прав с помощью поединка в специально отведенном месте на юге Норвегии – Конгхелле. Важен мотив мести, поскольку защита жизни и имущества ложилась на плечи самого человека, его друзей и семьи и была его гражданским долгом. Описание сражений подчас становятся весьма натуралистичными, что в целом не противоречит романтической эстетике.

Автор также постоянно указывает на дистанцию между современностью и описываемой эпохой, употребляя такие обороты, как «Хотя политика в те времена была лишь ребёнком, не умеющим читать и писать, правда и то, что она была ровесницей самих государств» [4, с. 131], «В те времена путешествовать, будучи инкогнито <...> было несравнимо легче» [Ibidem, с. 134] и т.д. Для того, чтобы указать на правдивость событий, описанных в романе, автор приводит цитату из работы Герхарда Шёнинга о битве конунгов Хьёрлейва и Рейдара. М. Хансен стремится создать в своем тексте романтический мир древности, наполненный фантастикой, сочетая его с картинами повседневности, что и составляет единую ткань произведения. Обращаясь к народной традиции, в которой романтики видели свои эстетические образцы, источник и основу литературы, писатель стремится сохранить национальный характер норвежской литературы.

Таким образом, М. Хансен привносит в свое произведение исторический колорит и создает иллюзию правдивого описания ушедшей эпохи, воспеваает героев и воителей, о чьих деяниях повествуют древние памятники. Для того, чтобы указать на связь своего романа с древнеисландским источником, он вводит в заглавие произведения слово «сага», следуя традиции А. Г. Эленшлегера, добавляет ряд реалистических деталей и отчасти имитирует стиль саг. Новаторство и оригинальность писателя проявляется в том, что он определяет новые эстетические ориентиры для развивающейся норвежской литературы [5, с. 24]. Хансену удалось также перенести на норвежскую почву романтические идеи, подчеркнуть национальный характер норвежской литературы и фактически заложить основу норвежского исторического романа. А профессор Бьёрн Тюдсаль в своей книге «Искусство рассказчика Маурица Хансена» (1988) подчеркивает значение творчества писателя для становления норвежской литературы, называя его «строителем мостов», благодаря которому «норвежская литература смогла после 1814 года воспринять богатые традиции европейской литературы» [6, с. 198].

Список литературы

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука – классика, 2001. 512 с.
2. Коровин А. В. Датская и исландская малая проза. М.: ТЕИС, 2011. 367 с.
3. Dahl Willy. Norges litteratur: Tid og tekst 1814-1884. Oslo: H. ASCHENOUG & CO, 1981. 340 s.
4. Mauritz Hansens. Noveller og Fortællinger: be. I-VIII / utg. ved C. N. Schwach, Kristiania, 1855-1858. B.VI. S. 79-203.
5. Øyslebo Olaf. Maurits Hansen som forteller. Oslo: H. ASCHENOUG & CO, 2001. 237 s.
6. Tysdahl Bjørn. Maurits Hansens fortellerkunst. Oslo: H. ASCHENOUG & CO, 1988. 199 s.

M. HANSEN'S NOVEL "SAGA OF HILDA" IN THE CONTEXT OF ROMANTICISM TRADITIONS IN THE XIX CENTURY

Peshkova Viktoriya Vyacheslavovna

*Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
stellavictory2106@gmail.com*

The article analyzes the novel by the Norwegian writer M. Hansen "Saga of Hilda". The paper reveals the significance of this work for the development of fiction in Norway in the XIX century and states that in "Saga of Hilda" the writer lays the foundation of the Norwegian historical novel, a tradition of which would later be followed and developed in the historical literary works by Sigrid Undset.

Key words and phrases: the Norwegian prose; M. Hansen; historical novel; Romanticism; saga.

УДК 82-312.2“19”

В статье рассматривается специфика создания образа героя-праведника в творчестве И. С. Шмелева. В центре исследовательского внимания один из героев дилогии «Лето Господне» и «Богомолье» Горкин. В процессе анализа доказывается, что образ Горкина относится к житийно-идиллическому типу праведника. Автор статьи акцентирует внимание на особой роли героя, с одной стороны воплощающего нравственный идеал писателя, а с другой, – символизирующего православное мировоззрение русского народа.

Ключевые слова и фразы: дилогия; герой-праведник; христианская традиция; православное мировоззрение; святость; образная система; автобиографичность.

Сотков Виктор Александрович

*Национальный исследовательский мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
sotkov_va@mail.ru*

СПЕЦИФИКА ОБРАЗА ГЕРОЯ-ПРАВЕДНИКА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЕВА (НА МАТЕРИАЛЕ ДИЛОГИИ «ЛЕТО ГОСПОДНЕ» И «БОГОМОЛЬЕ»)

В современном отечественном литературоведении со всей очевидностью заметен интерес к религиозно-философской проблематике, что подтверждается и появлением популярного в филологической науке термина «религиозное литературоведение». В центре исследовательского внимания все чаще оказываются вопросы, связанные с нравственными аспектами творчества русских писателей, с выявлением своеобразия